

С. С. Туликов за роялем

цитные годы кто-то из молодых композиторов додумался сшить теплое пальто из верблюжьих одеял, которые продавались в Мосторге. Ателье Музфонда отлично выполнило заказ: Туликов, Островский, Фельцман, кажется, еще и Фрадкин шеголяли в светло-рыжих модных «верблюжьих пальто».

С мебелью выручал Музфонд. При нем была столярная мастерская, где известный мебельных дел мастер по фамилии Шалдыкин мастерил мебель для многих в нашем композиторском доме. У нас живут и поныне «шалдыкинские» творения — крепкие, выполненные под любое дерево. Тонкие обычные стекла, которые использовались для книжных стеллажей за неимением других, так прочно засели в своих пазах под тяжестью человеческой мысли, что пришлось их вытащить совсем, дабы иметь доступ к бессмертным творениям.

Когда Серафим Сергеевич был дома, то большую часть времени он проводил за инструментом. Не обязательно работал, иногда просто импровизировал, это было особое состояние — размышление, внутренняя сосредоточенность или расслабление, отдых, просто раздумье обо всем. Это было самым естественным его состоянием. В последние два месяца жизни в больнице, потеряв возможность говорить, он все время разводил руки в стороны, пробегал удивительно тонкими красивыми пальцами, совсем не тронутыми возрастными

изменениями, по воздуху, как по клавишам, смотрел на меня, поднимал брови, плечи, поворачивал голову в разные стороны. Немой вопрос — «Где мой рояль? Почему его нет?» Комок в горле — трудно вспомнить!

Папа никогда не закрывал дверь в кабинет. Ему не мешали никакие звуки — ни телефонные звонки, ни разговоры, ни хлопанье дверью, ни звуки нашего музыкального дома. А ведь кто-то подсчитал, что в доме было около ста пятидесяти роялей! Музыкальные звуки неслись отовсюду. Мы долго соседствовали через пол-потолок с квартирой З. И. Пашковой-Дунаевской. Их огромная квартира распространялась и под нашими соседями по этажу Бабаевыми. Кабинет Исаака Осиповича находился от нас далеко, но фортепианный труд и композиторский рост Максима Дунаевского постоянно был в зоне нашего семейного «прослушивания». Переехавшие после обмена в их квартиру музыканты Чугуновы расположили свои инструменты точно под кабинетом Серафима Сергеевича, и их ученики профессионально подтверждали почти без перерыва на обед, что никакие музыкальные пассажи никому и никогда сразу не даются. Теперь уже понятно, что в доме обещанной звукоизоляции не было вообще. Наталья Яковлевна, жена композитора Ю. А. Левитина, жившая этажом выше над нашей квартирой, часто говорила папе: «Симочка, я так люблю, когда вы музицируете».

Творческие люди сочиняют всегда и везде. У них нет творческого отпуска! Во время ночного затишья папа, когда не спалось, почти всегда слегка постукивал по чему-нибудь пальцами, строго соблюдая правило, не играть на рояле после 11 вечера. Часто вскакивал, шел в кабинет, заносил что-то в специальные эскизные тетради. А то просто это «что-то» быстро записывал на любом подвернувшемся клочке бумаги и обязательно клал в верхний карман пиджака. «Папа, потеряешь!» Я, конечно, знала, в чем дело, и скорее подшучивала. «Не вол-